

Двое мужчин кувыркались по полу, покрываясь пылью, но ни один из них не обращал на это внимания. Обычно оба были весьма чистоплотными, но сейчас они полностью погрузились в мир, где единственной целью было избить другника до смерти.

Вещи, стоявшие на полу, были опрокинуты и разлетелись во все стороны. Столы, стулья, чашки с водой — всё было разбито, создавая полный хаос.

— Чёрт, — Цзян Инъюй перевернулся, оказавшись сверху Ань Шэна.

Он не был таким мастером ругательств, как его противник, и, не находя нужных слов, решил компенсировать их недостаток количеством ударов.

Однако вскоре он понял, что эта позиция не так уж выгодна, поскольку она напомнила ему о чём-то слишком знакомом.

— Ссс... ты, чёрт... — скрипя зубами, Цзян Инъюй почувствовал, как кто-то сильно сжимает его бок, причиняя невыносимую боль.

Внезапно Ань Шэн перевернулся, снова оказавшись сверху, и, не переставая говорить, продолжил:

— Есть еда, есть крыша над головой, а ты, чёрт возьми, всё ещё придираешься?! Убирайся отсюда поскорее!

Последний удар он нанёс с размаху прямо в голову Цзян Инъюя...

В тот момент Цзян Инъюй подумал, что Ань Шэн действительно жестокий человек. Несмотря на то, что они знали друг друга всего неделю, тот не собирался сдерживаться.

Ха!

Ань Шэн, тяжело дыша, поднялся и, глядя на неподвижно лежащего Цзян Инъюя, плюнул на пол, выплюнув кровавую слюну. Его руки были испачканы кровью, неизвестно чьей. Увидев, что старушка сгорбилась, словно ей было нехорошо, он поспешил подойти и поддержать её.

— Бабушка, как ты? Ты не ударилась? А? — с тревогой спросил Ань Шэн, заметив, что старушка выглядит неважно.

— Иди домой, ладно, дорогой? Мне нужно поговорить с моим внуком, — сквозь боль в пояснице сказала старушка.

Рука Ань Шэна, поддерживающая старушку, замерла.

— Ох.

— Тогда я пошёл. Если этот ублюдок снова начнёт хулиганить, звони мне! — Ань Шэн взял очки со стола, повернулся к старушке и, прижимая рукой живот, направился к двери, по дороге чуть не наступив на Теданя. Надев очки, он уже более уверенно вышел за порог.

Старушка, держась за поясницу, подошла к Цзян Инъюю и присела рядом. Глядя на внука, который лежал, уставившись в потолок, она дрожащей рукой погладила его лицо.

— Неужели ты что-то задел и... стал не в себе? О господи, что же теперь делать...

Слёзы наконец хлынули из её глаз, крупные капли падали на лицо Цзян Инъюя.

Цзян Инъюй моргнул, почувствовав прикосновение старушки, и спокойным голосом произнёс:

— Я не свихнулся, просто устал.

Тело устало, и душа тоже.

Услышав его голос, старушка достала свой цветастый носовой платок и вытерла слёзы.

Раз устал, значит, нужно полежать. Старушка подняла опрокинутый стул и села на него.

— Инъэр, скажи, что у тебя на душе? — произнесла старушка. — Ты ведь и так не хотел сюда приезжать, я знаю. Я привыкла жить одна, живу как хочу, а когда ты приехал, я тебя как следует не приняла. Прости меня, если тебе было тяжело.

На самом деле Цзян Инъюй не чувствовал себя обиженным. Он понимал, что старушка приютила его.

Полежав немного, он с трудом сел, всё тело горело огнём. Немного придя в себя, он посмотрел на старушку и сказал:

— Ты ведь ударилась поясницей, да? Давай я тебе помассирую.

Он помог старушке лечь на кровать, окинул комнату взглядом и спросил:

— У тебя здесь есть белое вино?

— Белое вино? — старушка задумалась и указала на полку у своей кровати. — Там стоит маленькая баночка, там немного лечебного вина на травах.

Лечебное вино?

Сгодится.

Цзян Инъюй взял маленькую фарфоровую чашечку, налил немного вина и попросил старушку оголить поясницу.

Нанеся немного вина на кожу, он принялся втирать его, распределяя по спине.

— Это вино, наверное, для питья? — заметил Цзян Инъюй. — Судя по цвету, оно давно настаивается.

Старушка улыбнулась.

— Эх, верно. В последнее время я его не пила. Чем дольше настаивается, тем вкуснее. Как-нибудь попробуешь?

Оказывается, старушка тоже пила вино. Теперь понятно, почему она тогда ничего не сказала.

— Угу, хорошо.

Цзян Инъюй продолжал аккуратно растирать ей спину. Он хотел извиниться перед старушкой, но сейчас не знал, как начать.

А старушка тем временем начала его утешать:

— Не сердись на Ань Шэна. Не принимай близко к сердцу его слова. Он у меня такой: что в голову взбредёт, то и ляпнет, а сам тут же забудет. Он человек неплохой, просто не терпит, когда кто-то обижает меня, старуху.

— ...Понятно, — Цзян Иньюй вдруг вспомнил удар, который Ань Шэн нанёс ему в голову.

Если он не плохой, то зачем бить в голову? Хотя он в последний момент остановился и ударил в пол, это не помешало Цзян Иньюю по-новому взглянуть на Ань Шэна.

Ань Шэн... он действительно жесток.

Изначально Цзян Иньюй думал, что Ань Шэн, будучи близоруким, без очков не сможет нормально видеть, и это даст ему преимущество в драке. Он рассчитывал, что при плохом зрении он будет легко подавлять противника, но реальность оказалась иной: Ань Шэн избивал его.

Старушка вздохнула, вспомнив детство Ань Шэна, и её сердце сжалось от боли.

— Ань Шэн несчастный! Без отца и матери вырос, одному ему было непросто, — сказала она.

Цзян Иньюй нахмурился. Без отца и матери?

— Его родители... умерли?

— Какое там! Живы и здоровы! Но мы считаем их мёртвыми, — старушка разозлилась, вспомнив родителей Ань Шэна.

Живы?

Тогда почему Ань Шэн не живёт с ними?

Цзян Иньюй начал размышлять, но тут же мысленно отругал себя за любопытство. Какое ему дело до этого?

— Когда Ань Шэну было восемь лет, с ним случилось несчастье, и эти бессердечные отправили его в психиатрическую больницу. Они чуть не загубили ребёнка, — вспоминала старушка.

— Что? — Цзян Иньюй замер. — Отправили своего ребёнка в психиатрическую больницу? Какая больница возьмёт такого маленького ребёнка?!

Теперь он был полностью поглощён историей Ань Шэна, забыв, что это его не касается.

Старушка, видя его интерес, продолжила рассказ.

Тогда Ань Шэну было семь лет, возраст, когда дети идут в школу. Старушка жила недалеко от его дома, но раньше они не жили в этом месте.

В то время Ань Шэн был белым и пухлым ребёнком, с благородной внешностью. Он был умным: пока другие дети играли в грязи, он уже мог декламировать стихи и объяснять их смысл. Это всех восхищало.

Его родители тогда его любили, покупали ему одежду и еду. Но потом...

В том году с Ань Шэном случилось несчастье. Его глаза повредил старший сын семьи Лю, Лю Линли, вместе со своей компанией. Не то чтобы он ослеп, но старушка помнила, как кровь текла у него из глаз. Тогда она была ещё бодрой, сразу разогнала хулиганов, схватила маленького Ань Шэна на руки и побежала в больницу. Но там сначала нужно было взять талон в очереди и заплатить, прежде чем ребёнка осмотрят. Лицо Ань Шэна было залито кровью, он плакал, а старушка, не имея при себе достаточно денег, была в отчаянии.

Позже в больнице она встретила знакомого, который связался с родителями Ань Шэна. Когда те приехали, старушка уже была ни при чём, она лишь молилась, чтобы с ребёнком всё было в порядке. Такой умный ребёнок, если бы ослеп, вся его жизнь была бы рухнула!

Старушка тревожно ждала за дверью, хотя этот ребёнок не был ей родным. Но, вспоминая своего внука, живущего в городе, она чувствовала, как её сердце разрывается от боли за чужого мальчика.

Вечером она услышала из палаты пронзительный детский крик. Маленький Ань Шэн кричал до тех пор, пока голос не охрип.

Она подбежала к двери, но та была плотно закрыта. Старушка не могла войти, она была для них чужой.

Ань Шэн внутри кричал и плакал, старушка была на пределе, стучала в дверь и звала:

— Что с ребёнком? Почему он так кричит? Откройте, откройте...

Ей никто не ответил, и дверь так и не открыли. Знакомый, который ждал с ней, не выдержал, начал выругиваться в адрес двери и стал уговаривать старушку уйти, сказав, что её муж дома ждёт, а здесь, судя по всему, уже ничего не делают. Старушку увели.

Прошло проверку, внёс правки.

<http://bllate.org/book/16784/1543602>